

Социализация в эпоху кризиса: время вопросов

Французский писатель Анри Бейль, известный читающей публике как Стендаль, как-то заметил, что одинаково трудно угодить читателю, если предмет разговора ему не интересен или, наоборот, представляет для него слишком большой интерес.

Опросы социологов показывают, что тема кризиса остро волнует население, хотя глобальный кризис — нов для глобального мира, а для России — отнюдь не новость. Россия находится в состоянии кризиса, как минимум, с 80-х годов XX века. И проблема в том, что эксперты просто не знают, в чём суть нынешнего глобального кризиса и не понимают, что он несёт. Ежели эксперты, которым положено это знать, толком не знают ничего про тот кризис, который сейчас только лишь нарастает, то можем ли мы, педагоги, по большому счёту, что-либо знать про его влияние на людей, на социализацию в частности? У меня такое подозрение, что знать мы можем очень мало, а по многим аспектам просто ничего.

В период нарастающего кризиса вряд ли можно что-то более или менее достоверно прогнозировать, но мне кажется, что в этот период можно и важно попытаться сформулировать ряд вопросов о том, как вызовы глобального кризиса, преломленные через российскую действительность, могут отразиться на социализации, и я попытаюсь поставить некоторые вопросы.

Первый вопрос: почему важно попытаться увидеть, что несёт кризис процессу социализации?

Тут может быть много ответов, но мне кажется, что важно попытаться увидеть это хотя бы потому, что социализация будет протекать в условиях кризиса в течение довольно длительного времени, причём опять эксперты не знают, как долго он продлится. Одни эксперты (российский вице-премьер Алексей Кудрин и американский мультимиллиардер Уоррен Баффет) считают, что кризис продлится 3–5 лет, а другие эксперты злобно напоминают, что великий кризис 1929 года в Америке фактически закончился только в 1954-м, независимо от того, что был такой мощный мотор его преодоления, как

Вторая мировая война. То есть фактически, весьма вероятно, хотим мы или не хотим, целое поколение, а может быть, и не одно, будут социализироваться в условиях кризиса или в посткризисной ситуации (неизвестно, что труднее).

Поколения бывают короткими и длинными (поколение перестройки и поколение застоя, например). В зависимости от того, на сколько растянется кризис и каковы будут особенности различных стадий его протекания и преодоления, через него пройдёт либо одно длинное поколение, либо сколько-то коротких, кто знает. Но в любом случае надо иметь в виду, что в подобных ситуациях понятие «поколение» из чисто теоретического становится фактом социальной жизни и педагогической практики.

На вопрос, что такое поколение, существует много весьма противоречивых ответов. Приведём суждение испанского философа XX века Хосе Ортега-и-Гассета: «Поколение — это и не горсть одиночек, и не просто масса: это как бы новое целостное социальное тело... Его члены приходят в мир с некими типичными чертами, придающими им общую физиономию, отличающую их от предшествующего поколения. В пределах этой идентичности могут пребывать индивиды, придерживающиеся самых разных установок, вплоть до того, что, проживая друг подле друга, будучи современниками, они чувствуют себя зачастую антагонистами. Но за всеми неистовыми "за" и "против" взгляд легко обнаруживает проступающие общие признаки. И те, и другие являются людьми своего времени, при всех различиях в них больше сходства. Реакционер и революционер XIX века намного ближе друг к другу, чем к кому-либо из нас».

Надо иметь в виду, что каждое поколение на каждой возрастной стадии своего развития имеет характеристики, которые присущи в принципе тому или иному возрасту (детству, отрочеству, юности, зрелости, старости). Однако удельный вес этих характеристик у различных поколений может из-

меняться или «сдвигаться» вниз или вверх на возрастной шкале.

С одной стороны, это связано с таким обстоятельством, как продолжительность жизни в те или иные эпохи, и обусловлено в том числе и возрастом, признаваемым наступившей зрелостью (14-летние кардиналы, 17-летние маршалы и пр. в средневековой Европе). В кризисные периоды зрелость наступает раньше. В 1990-е годы в России возникло такое явление, когда подростки вынуждены были зарабатывать на жизнь и содержать своих родителей (другое дело, что способы этих заработков сильно варьировались — от мытья машин до проституции).

С другой стороны, важное значение имеют конкретные обстоятельства исторического развития того или иного общества (например, во всех катаклизмах типа революций молодёжь играет значительно большую роль, чем в условиях стабильности). В ситуации экономического кризиса и следующего за ним социального роль молодых, начиная с довольно раннего возраста, тоже увеличивается. Как говорят некоторые эксперты, особенность нынешнего кризиса в том, что в результате его «помрут "Норники" и останутся Биллы Гейтсы». Иными словами, выход из кризиса лежит на пути максимального использования и развития ресурсов молодых и создания благоприятных условий для их реализации.

В связи с этим, мне думается, полезно рассматривать каждое поколение, каждый конкретный возраст не только как проблему (мы же обычно говорим: подростки — проблема, первоклассники — проблема, и т.д.), но и как ресурс: личностный ресурс, ресурс социальных и иных слоёв, общества в целом. Надо попытаться осознать ресурсы каждого возраста; использовать эти ресурсы в воспитании; учить людей всех возрастов распознавать, развивать, использовать свои ресурсы, о которых они часто просто не подозревают. Учить развивать, дополнять, создавать новые условия для развития и использования своих ресурсов. Создавать новые условия

для реализации и развития ресурсов и в воспитательных организациях, и на муниципальном уровне, и на уровне региональных и федеральной систем воспитания. Если же мы будем «тупо» рассматривать каждый возраст как ступень подготовки к следующему этапу жизни, то мы, боюсь, не сможем ответить на те вызовы, которые нам сегодня предлагает кризис.

Известно, что любой кризис (и мы это проходили в 1990-е годы) ведёт к тому, что большие группы людей различных возрастов, принадлежащих как к старшим поколениям (чаще и более массово), так и к младшим (оказавшиеся в трудных семейных и иных условиях), испытывают, как минимум, трудности, а как типичное явление — потерю идентичности: личностной, профессиональной, социокультурной и даже порой этноконфессиональной. Следствием этого может стать (и в условиях кризиса, скорее всего, станет) то, что большие группы населения разных возрастов и поколений ощутят себя жертвами социализации: «брошенными и забытыми», «выброшенными на помойку», «втоптаннми в грязь» (старшие поколения); «изгоями», «брошенными на произвол судьбы», «забытыми своей страной» (младшие).

Существенную роль в том, как и в какой мере человек в кризисной ситуации может стать жертвой социализации, играет то, какая традиция свойственна тому конкретному обществу, в котором он проживает кризис, — гуманистическая или нигилистическая. Так, по мнению Владимира Кантора — философа с европейским именем, современное российское бытие «поневоле заставило задуматься о тотальном нигилизме в нашей культуре. Нигилизм — это... традиция, ещё более укоренённая в нашей ментальности, чем стихи Пушкина, романы Достоевского, трактаты Владимира Соловьёва».

Другой крупнейший отечественный философ, Мераб Мамардашвили, рассуждая о дихотомии гуманизм-нигилизм, пояснял, что установке гуманизма «Я могу» противостоит установка нигилизма «не Я могу»

(могут все остальные: государство, организации, учителя, родители и пр., то есть все, кроме меня и вместо меня). Человеку с подобной установкой в период кризиса «ничего не светит» в лучшем случае, а в худшем его ждёт жизненный крах.

Естественно, что в культуре тотального нигилизма нигилистические установки на индивидуальном уровне формируются весьма эффективно, порождая большое количество членов общества, которых можно в значительной степени отнести к жертвам социализации, для этого общества свойственной и усугублённой кризисными реалиями и перспективами.

Второй вопрос: **Каким образом экономический кризис влияет на социализацию?**

Сегодня я хотел бы предложить как минимум два ответа (что будет завтра, сказать сложно), которые уже можно видеть невооружённым глазом.

Во-первых, спад экономики уменьшает налоговую базу и, следовательно, бюджет образования, здравоохранения, культуры и других социализирующих сфер жизни государства уменьшается. И не важно, что при этом говорит правительство о том, что «мы ничего не сократим». Может быть, и не сократят (хотя в здравоохранении уже срезают 8% со стационарного обслуживания). Но даже независимо от этого та мягкая девальвация рубля, объектами и жертвами которой мы только что были, уже уменьшила наши зарплаты на 50–60%. Мы это ещё (во всяком случае в Москве) не осознали и не почувствовали в такой мере, как в более проблемных и мелких городах. Что даёт прямое влияние экономического кризиса на социализацию? По данным за 2008 год, когда кризиса не было (когда он ещё не был признан), 57% детей от 7 до 15 лет жили за чертой бедности. А что у нас значит «черта бедности», «нищета»? Это 44 рубля в день на человека. И каких здоровых детей мы сможем вырастить на такие «бешеные» деньги? Вот первый ответ: кризис влияет непосредственно на социализацию.

Второй ответ: кризис влияет на социализацию не только в денежном и материальном выражении. И нас, педагогов, этот второй аспект должен волновать ещё в большей мере, потому что экономический кризис, как всякий кризис, создаёт определённую социально-психологическую атмосферу социализации. Он создаёт негативные ожидания у населения, то есть он создаёт состояние неопределённости, состояние неуверенности в сегодняшнем и в завтрашнем дне и, наконец, состояние страха. По данным Левада-Центра летом 2008 года, когда ещё кризиса у нас не признавали, 75% опрошенных считали, что кризис обойдёт нас стороной. В начале марта 2009 года 70% опрошенных ждали роста безработицы и ухудшения ситуации. Причём разброс вариантов ответов о том, какого ухудшения, очень велик. Вспоминается в связи с этим одностийе Владимира Вишневого: «Здесь нестабильно даже ухудшень!»

И вот этот аспект влияния экономического кризиса на социализацию — наиболее критичен в педагогическом аспекте. Почему? Как минимум потому, что состояние неопределённости, страх ведут к росту озлобленности всех на всех, ведут к росту горизонтальной агрессивности в одной возрастной группе. И те, кто работают в школе, и не только в ней, может быть, уже заметили, что явление, которое имеет импортное название «буллинг», то есть притеснение, включая избиение и т.п. детей друг другом, получает всё более стремительное распространение.

Наблюдается рост озлобленности в одной возрастной группе, в одном социальном слое, и рост вертикальной агрессивности. Бедных по отношению к богатым, богатых по отношению к бедным и просто одних жителей по отношению к другим (в условиях кризиса 1% роста количества безработных ведёт к 5% роста преступности). Старших к младшим и младших к старшим. Например, в прошедшем году официально зафиксировано 150 тысяч случаев насилия над детьми. Можно только гадать, сколько «невидимых миру слёз» пролилось на самом

деле. Ещё страшнее цифры МВД — около 2 тысяч детей ежегодно гибнут от насилия. И это в обычное время, а что будет по мере нарастания кризисных явлений?

Из сказанного выше вытекает ряд вопросов.

Что будет происходить с жертвами неблагоприятных условий социализации, которые были и есть всегда? Каков, например, будет рост количества беспризорных? По последним данным выяснилось, что на улице живёт 1 миллион подростков, которые ушли из семьи. Это не те беспризорные, которые в 20-е годы прошлого века на улицах грелись у котлов с мазутом, это качественно другие беспризорные, и их, скорее всего, будет больше.

Появятся ли новые виды жертв неблагоприятных условий социализации? Кризисная ситуация России конца 1980-х — начала 1990-х годов привела к тому, что появились такие типы жертв, которых мы раньше и «в страшном сне не видели»: малолетние проститутки, малолетние наркоманы и т.д. На самом деле они были и раньше, но их количество не было статистически значимой величиной. Я как человек, который в молодости работал в детдоме, совершенно точно знаю, что они были и в конце 1950-х и в начале 1960-х годов, но их удавалось локализовать в небольшом количестве учреждений. А что будет сейчас? Самое плохое — это то, что вопрос поставить можно, а ответить на этот вопрос я не знаю как. Этот вопрос надо всегда иметь в виду, чтобы, когда мы увидим что-то новое у подрастающего поколения, то смогли бы разобраться: это что-то старенькое, это модификация чего-то старенького или это что-то новое, с чем мы ещё не сталкивались, и если это так, то что с этим можно делать?

Третий вопрос: Развитие и самоизменение во время кризиса — химера или реальность?

С одной стороны, даже смешно говорить об этом, а с другой стороны, многие эксперты утверждают, что кризис — это время возможностей, это время изменений. Развитие

во время кризиса тоже может быть довольно эффективно. Самый простой, на первый взгляд, вариант развития, о котором пишут эксперты: в наше время в период кризиса лучше всего вкладывать деньги в себя, в детей, в образование, в здоровье.

Но тут возникают, как минимум, два вопроса. Во-первых, будет ли что вкладывать у широких слоёв населения? А во-вторых, если будет, то будет ли это вложено в развитие здоровья и образования? Один из архетипов нашей культуры таков, что жизнь человека ничего не стоит, зачем тогда в неё вкладывать? Этот архетип, может быть, удалось бы немного скорректировать, если бы мы сумели преодолеть технократический императив нашей системы образования и заменить его на гуманистический и на гуманитарный. Мы об этом много говорим, а воз и ныне там. Например, наши ребята должны по окончании школы знать около 1 200 физических понятий (это мне говорили специалисты). А в Великобритании, где живут не хуже нас, а скорее много лучше, ученики должны знать около 200 таких понятий. А Джон Дьюи, не самый глупый человек XX века, вообще говорил, имея в виду всех учащихся, что физику надо знать в пределах нужд домашнего хозяйства. Аналогично можно сравнить и другие предметы. И обнаружить, наконец, и признать, что наше образование не человекосообразно. Это плохо в принципе, а в кризисное время это может стать для многих губительным. Хотя бы потому, что наша система воспитания, включая образование, будучи технократичной, не ориентирована на развитие и не может развить хотя бы у какой-то части растущих людей гибкость, с одной стороны, и устойчивость, с другой, которые помогли бы им в кризисный период заняться своим развитием в правильном направлении.

Другой аспект — это самоизменение. Кризис ломает очень многих, мы через это проходили в 1990-е годы. Кризис ломает у многих жизненные сценарии, а далее начинается либо, в лучшем случае, самостроительство (но не факт, что позитивное), либо стагнация и полураспад личности, либо саморазру-

шение и полный распад личности. И вот возникает вопрос: что теперь станет тенденцией в различных половозрастных и поселенческих слоях? Очевидно, что в каждом из них будут разнонаправленные тенденции, но какие тенденции возобладают? Вот, например, у женщин больше тенденция к конструктивному прагматическому самоизменению, поскольку женщины как та лягушка в банке с молоком, а вот с мужчинами — проблема. Безусловно, чтобы самоизменение было позитивным, человек должен сделать позитивный выбор, и должен уметь принимать оптимальные решения. Возникает вопрос: мы этому учим? Я не имею в виду отдельных продвинутых педагогов, я имею в виду школу как социальный институт.

А теперь ещё несколько вопросов, которые, на первый взгляд, могут показаться довольно абстрактными, но на самом деле затрагивают широкие и глубокие пласты социальной и педагогической реальностей.

Например, если кризис глобальный, то значит ли это, что на социализацию конкретного человека усилится влияние мега- и макрофакторов социализации? По здравому размышлению — да, усилится. Но как, в какой мере, а главное, можно ли что-то с этим сделать, а особенно педагогам? Не знаю. Как изменится (если изменится) в социализации конкретного человека соотношение мезо- и микрофакторов социализации? Ведь в стабильной ситуации влияние города на конкретного ребёнка надо ещё уловить, а в кризисной ситуации, в ситуации обострения это влияние видно невооружённым глазом. Что произойдёт с различными механизмами социализации? Они останутся прежними, или появятся новые, лучшие, более или менее эффективные? Изменяются ли и как критерии социализованности? Это большой вопрос. Если мы не знаем, что будет завтра, то откуда мы можем знать, какой человек будет считаться завтра социализованным? И это далеко не все вопросы, на которые придётся искать ответы, боюсь, в первую очередь и главным образом педагогам.